

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 16 (244) 5 апреля 1933 ГОДА. ЦЕНА 20 КОП.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усевич

Г. Абдулин. Секретарь Татобкома ВКП (б)

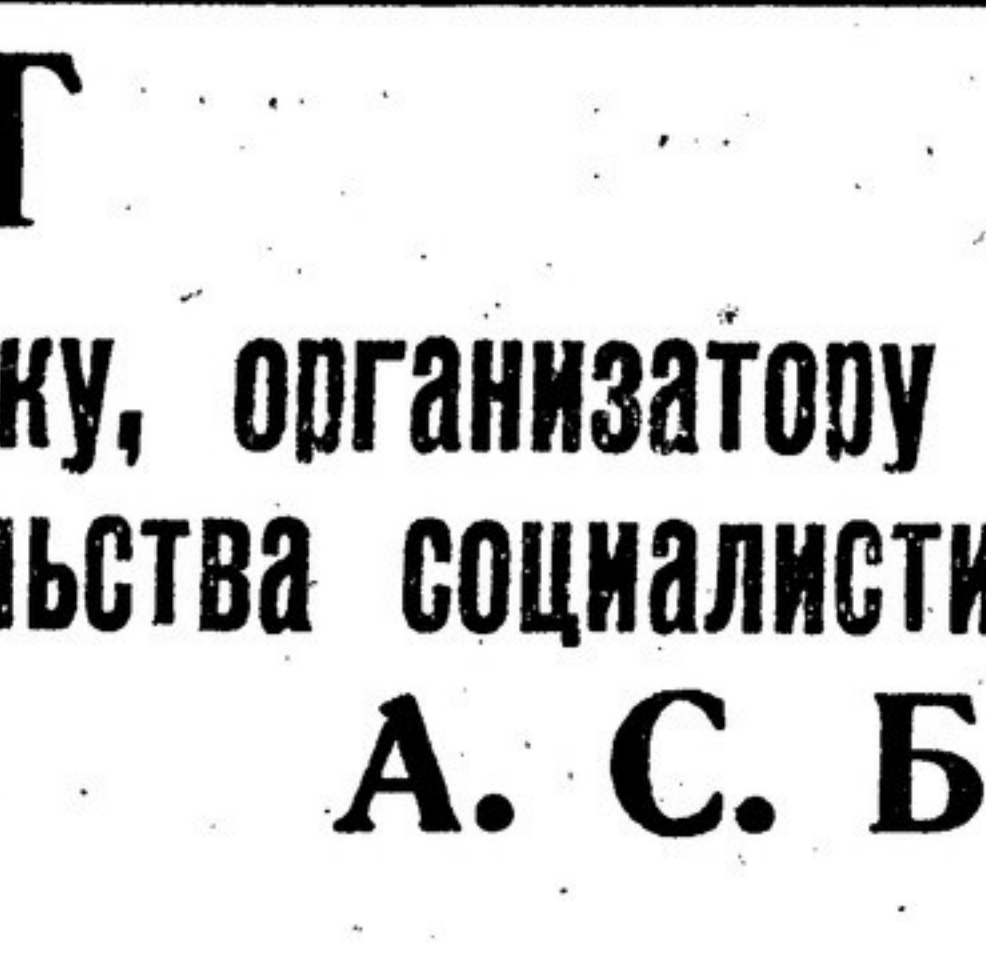
ЗА БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ художественной литературы ТАТАРИИ

В условиях Татарской республики за годы революции, особенно в течение первой пятилетки, достигнуты большие успехи в области развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры вообще и художественной литературы в частности. Так, например, с 1920 по 1929 год выпущено более 300 названий (тысяча печатных листов). За 1929—30 годы выпущено более 400 названий. 1400 печатных листов с двухмиллионным тиражем. Растет удельный вес рабочей и колхозной тематики. Так, с 1920 по 1927 год выпущено 15 названий по рабочей тематике, за 1928—32 годы—60 названий, среди которых наиболее важные—«81-я штольня» Тухтарова, «Бригадирия» Газиева и др.

ПРИВЕТ старому большевику, организатору строительства социалистической культуры А. С. БУБНОВУ

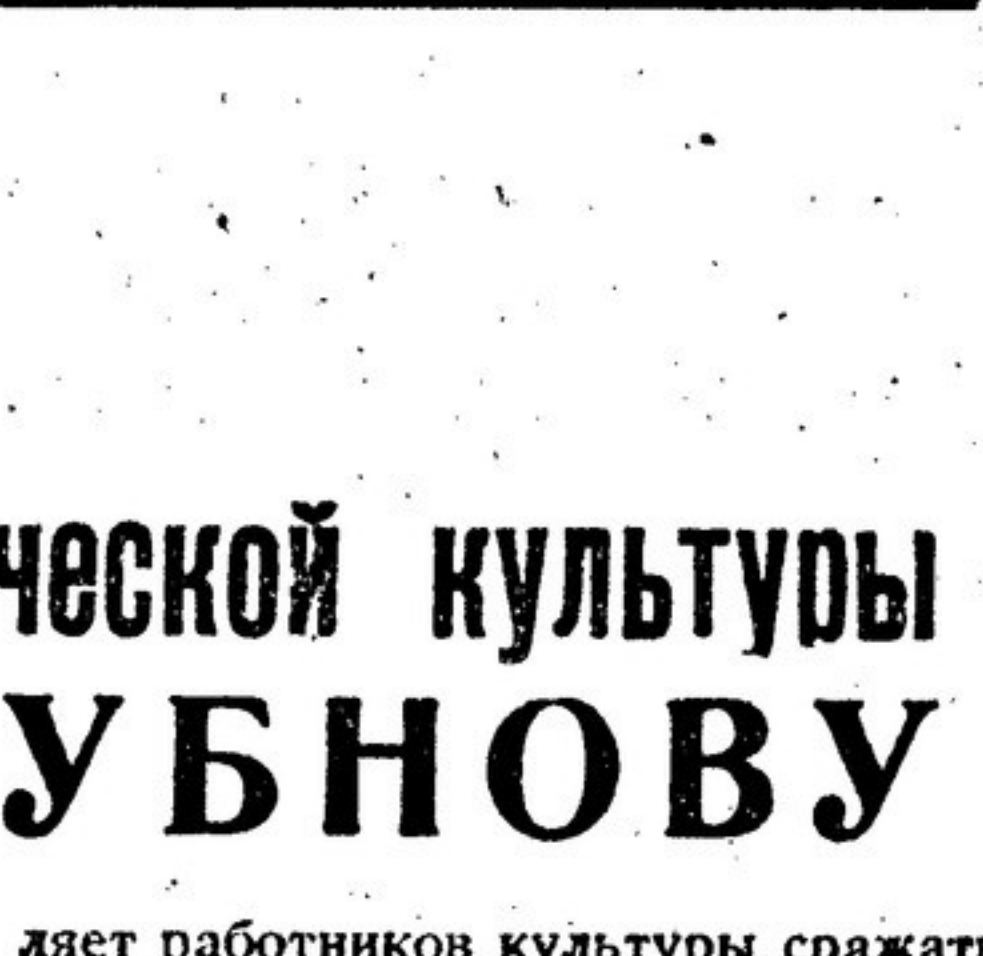
6-го числа этого месяца — день 50-летия со дня рождения А. С. Бубнова — народного комиссара по просвещению РСФСР, одного из старейших большевиков, одного из крупнейших организаторов и руководителей строительства социалистической культуры.

стических элементов упорно, систематически стремятся проникнуть в эту область, и на последнем пленуме советских писателей один из крупнейших татарских советских драматургов (беспартийный) т. Карим Тенчурин иллюстрировал, как султан-галиевцы бесцеремонно парализовали каждый его шаг, направленный к тому, чтобы дать вещь, разоблачающую действия буржуазно-националистических элементов. Он был снят с театра за то, что написал пьесу, разоблачающую белогвардейщину и султан-галиевщину как агентуру империализма.

Сейчас агенты классового врага—буржуазно-националистические элементы под маркой рабочей тематики пытаются протиснуть свою идеологию. Характерной в этом отношении является пьеса «Текстильная Асия» Фахри Буриашева. В этой пьесе Буриашев дает Ленину-коммунисту (быв. Алафузовскую) текстильную фабрику, где, по его утверждению, рабочие состоят исключительно из татар и татарок, а русские рабочие даны в двух-трех лицах, и то один из них хулиган и летун. Это в то время, когда на этой фабрике 50 проц. русских и происходит процесс интернационального воспитания рабочих и работниц всех национальностей, процесс совместной борьбы за социалистическое строительство.

Все это говорит о том, что растущая, но еще молодая татарская художественная литература серьезно засорена, имеет немало идеологического (главным образом, кулацко-буржуазного националистического порядка) брака и что основная задача литературных организаций Татарии состоит в решительной борьбе за более высокое содержание художественной литературы. Эта борьба заключается в беспощадном разоблачении всех проявлений чуждой идеологии в литературе. В этом отношении серьезнейшую роль должна играть критика. Она должна обезвредить попытки кулацко-буржуазно-националистических элементов проникнуть в область художественной литературы. Для этого она должна ликвидировать имеющийся в ее среде гнилой либерализм и примитивное отношение к классово чуждым влияниям. Эта борьба должна заключаться в выражении новых кадров пролетарских колхозных писателей. Для этого литературные организации (оргкомитеты) должны ликвидировать имеющуюся замкнутость, унаследованную ими от ТАПП, должны укрепить руководство литературными работами с русской частью растущих молодых кадров.

Последний пленум оргкомитета союза советских писателей Татарии вскрыл огромные ошибки в работе оргкомитета писателей. Пленум беспощадно разоблачил допущенные критикой гнилой либерализм и недостаточность марксистско-ленинской закалки критиков и писателей. Пленум наряду с этим обнаружил процесс роста новых кадров, также вскрыл совершенно неудовлетворительные темпы выращивания новых писательских кадров из рабочих. И

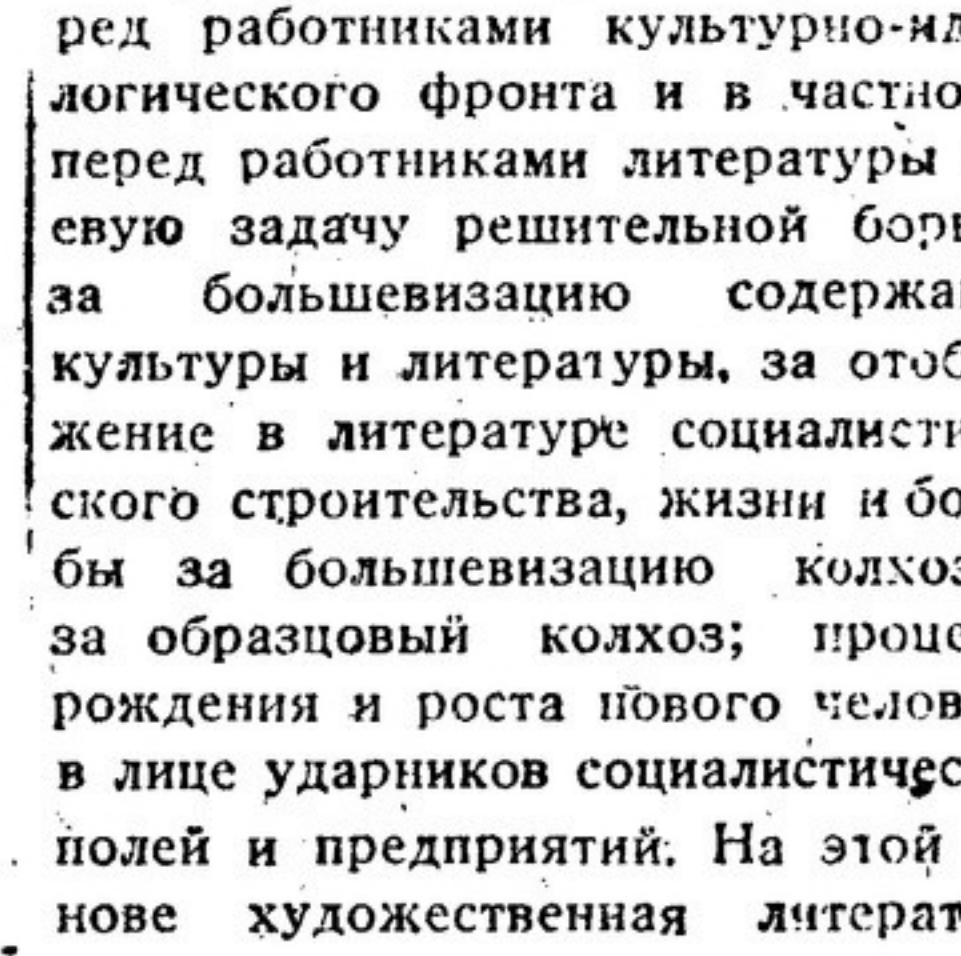
СЕГОДНЯ в НОМЕРЕ

1 страница. Передовая — За углубление творческого соревнования. Ц. Фридлянд — А. Виноградов обучает комсомол. Г. Абдулин — За большевизацию художественной литературы Татарии. Привет А. С. Бубнову.

2 страница. Цельком посвящена татарской литературе. 3 страница. Мобилогиз и реплики. Ю. Юзовский — Эпиграф. 4 страница. Холодный философ — Чаша веселья.

пленуме выявилась безусловная преданность линии партии со стороны писателей-стариков и полная их готовность с новой энергией взяться за осуществление новых задач, поставленных партией в области литературы.

ляет работников культуры сражаться за дело партии. А. С. Бубнов обладает большой культурой. Вот почему его руководство конкретнее, и вот почему важнейшие участки культурного фронта сумели значительно шагнуть вперед. Он в своем руководстве доходит до тонкостей по каждому вопросу и знает теорию и практику каждого участка работы. Работоспособность у него огромная. Его можно видеть на работе или за книгой и газетой и в поздние часы и очень рано.

ЗА УЛУБЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Творческое соревнование у нас развертывается все еще недостаточно интенсивно и глубоко, еще многое мешает настоящему соревнованию советских писателей. Некоторые художники и критики не всегда понимают всю огромную ширину и глубину социалистического реализма, они иногда НАВЫЗЫВАЮТ всей советской литературе свой личный опыт или опыт своей творческой группировки, а не делают этого опытом. Это уже не соревнование, когда некоторые писатели-реалисты склонны выбрасывать за пределы социалистического реализма писателей-революционных романтиков. Ошибки делают и последние, когда свое направление считают единственно ценным и не хотят учиться у реалистов-классиков. Нам нужно величайшее разнообразие жанров, направлений, форм, ибо только так и можно передать всю сложность нашей действительности. Героическая борьба трудящихся города и деревни за новый мир социализма, рождение нового человека, уничтожение пережитков прошлого, боевое сегодня и то, что уже ушло в историю, зарубежная действительность—все это охватывается нашими писателями. Какая другая литература была столь широкой и перспективной! Наша литература богата новыми формами, в ней скрещиваются разные жанры и направления. Она ярка и красочна, эта живая жизнь литературы нового мира. Как же можно втиснуть ее в неизбежно ограниченные рамки одной какой-либо группировки?

28 марта под председательством т. И. М. Гронского состоялось очередное заседание президиума оргкомитета ССП СССР. Вынесено решение в связи с годовщиной постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. В этот день решено провести общесоюзное собрание писателей, на котором будет поставлен доклад т. Гронского о перестройке литературно-художественных организаций. Республиканским, крайним и областным оргкомитетам предложено провести такие же собрания писателей. На места будет разослана специальная методразработка.

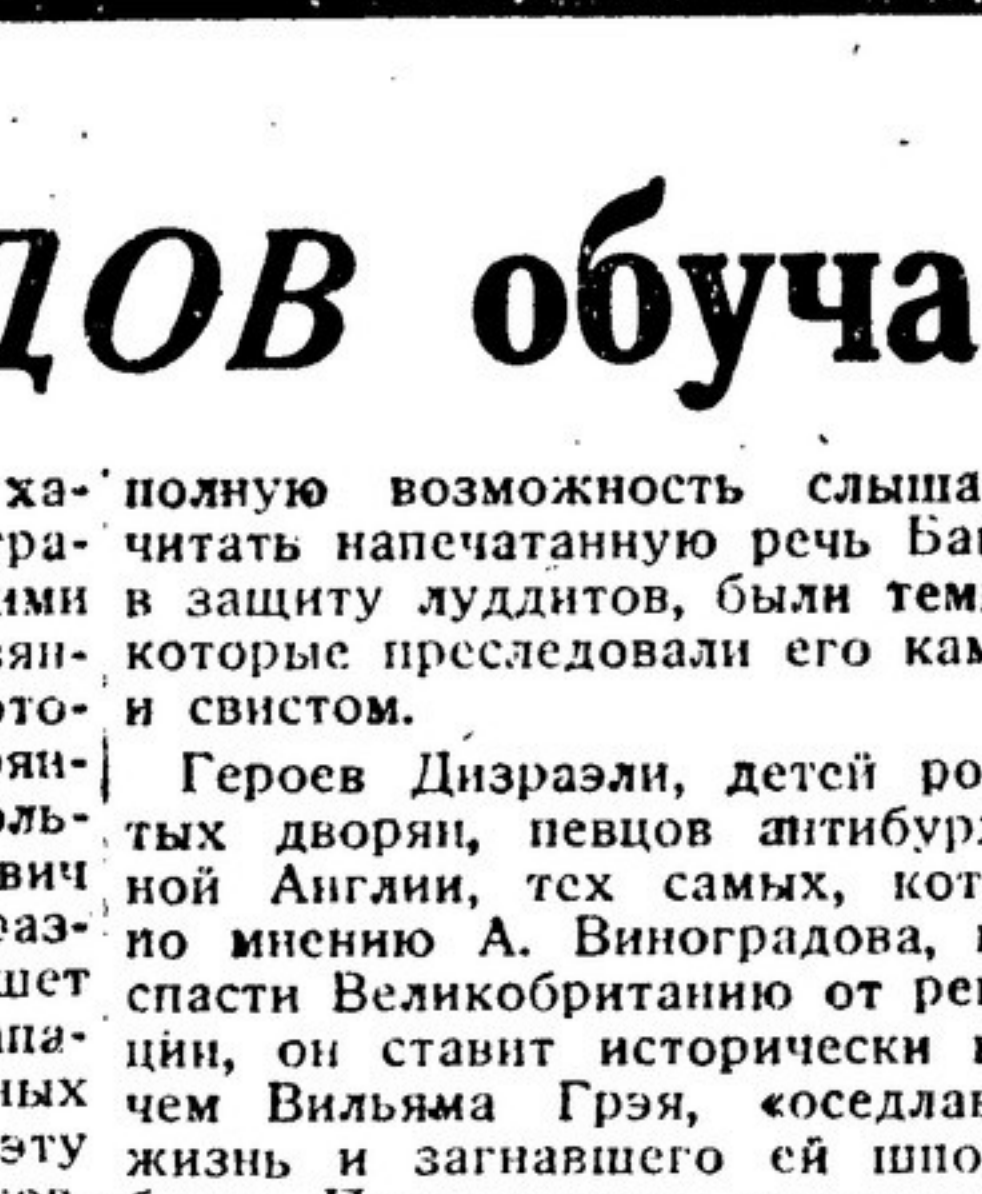

«История молодого человека XIX столетия» — прекрасное начинание М. Горького. А. Виноградов написал целый том (320 страниц) «История молодого человека XIX века» европейской и русской общественной мысли XIX века. М. Горький хотел «Историей молодого человека» помочь комсомольцу успешно уничтожить того «ветхого Адама мещанства, чьи корни глубоко сидят в нашей психике». Он думал, что предисловия к каждому выпуску этой серии помогут молодому советскому читателю выработать социальную-экономическую и политическую корни вырождающегося мещанского индивидуализма. Вместо этого Виноградов, прикрываясь именем лучшего из пролетарских писателей, попытался и предисловия называть комсомольцу свои идеи «коммунистически окрашенного славянофильства».

Как же можно, например, разделить это огромное творческое движение на два потока «почвенников» и «западников», уничтожая тем самым действительное богатство нашей литературы. Нужно не создавать «обоймы», но внимательно изучать живое развитие, углубленно оценивать конкретные произведения отдельных писателей и не подменять это изучение надуманными схематической группировки, а не делаясь этим опытом. Это уже не соревнование, когда некоторые писатели-реалисты склонны выбрасывать за пределы социалистического реализма писателей-революционных романтиков. Ошибки делают и последние, когда свое направление считают единственно ценным и не хотят учиться у реалистов-классиков. Нам нужно величайшее разнообразие жанров, направлений, форм, ибо только так и можно передать всю сложность нашей действительности. Героическая борьба трудящихся города и деревни за новый мир социализма, рождение нового человека, уничтожение пережитков прошлого, боевое сегодня и то, что уже ушло в историю, зарубежная действительность—все это охватывается нашими писателями. Какая другая литература была столь широкой и перспективной! Наша литература богата новыми формами, в ней скрещиваются разные жанры и направления. Она ярка и красочна, эта живая жизнь литературы нового мира. Как же можно втиснуть ее в неизбежно ограниченные рамки одной какой-либо группировки?

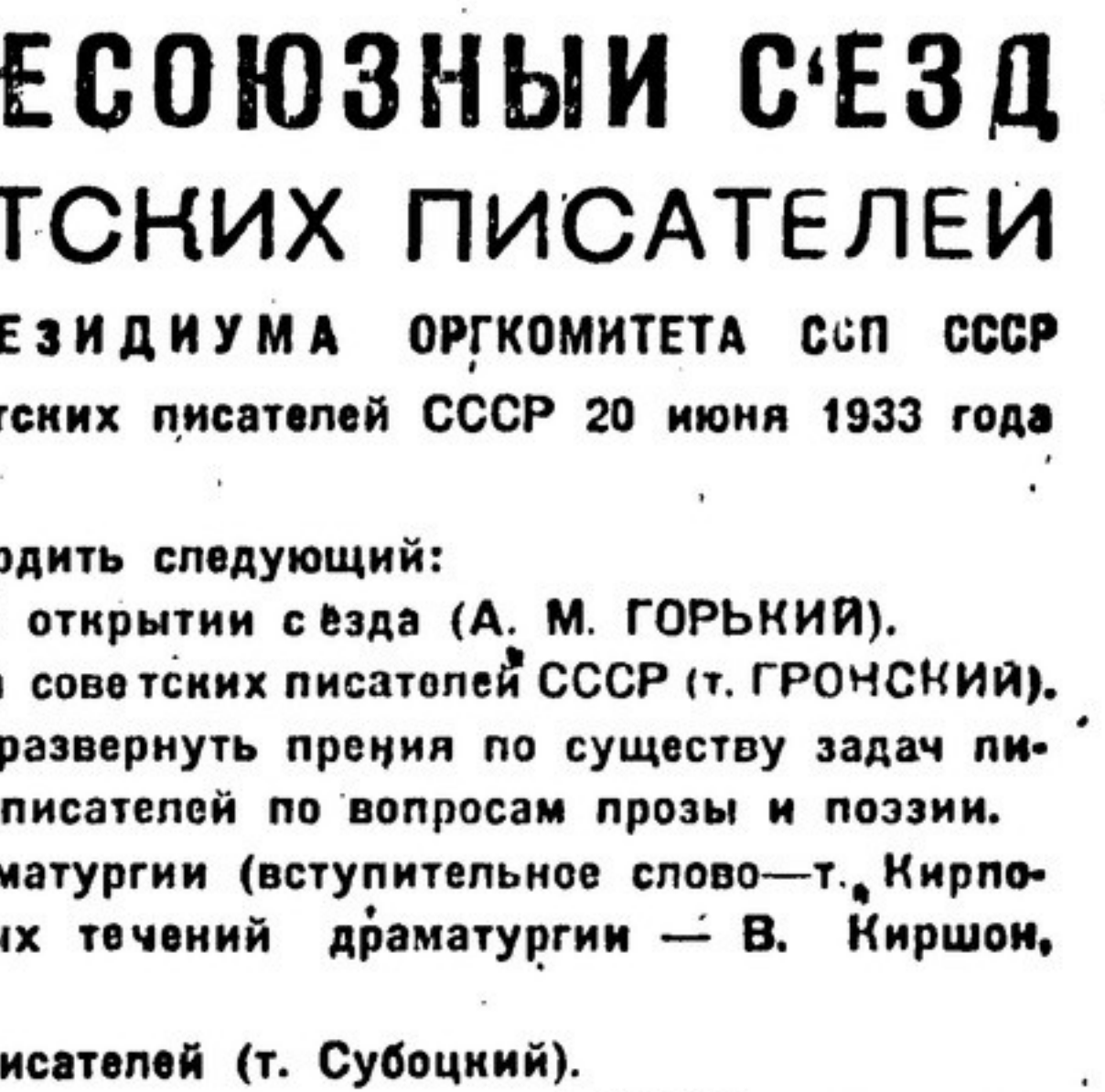

«История молодого человека XIX столетия» — прекрасное начинание М. Горького. А. Виноградов написал целый том (320 страниц) «История молодого человека XIX века» европейской и русской общественной мысли XIX века. М. Горький хотел «Историей молодого человека» помочь комсомольцу успешно уничтожить того «ветхого Адама мещанства, чьи корни глубоко сидят в нашей психике». Он думал, что предисловия к каждому выпуску этой серии помогут молодому советскому читателю выработать социальную-экономическую и политическую корни вырождающегося мещанского индивидуализма. Вместо этого Виноградов, прикрываясь именем лучшего из пролетарских писателей, попытался и предисловия называть комсомольцу свои идеи «коммунистически окрашенного славянофильства».

«История молодого человека XIX столетия» — прекрасное начинание М. Горького. А. Виноградов написал целый том (320 страниц) «История молодого человека XIX века» европейской и русской общественной мысли XIX века. М. Горький хотел «Историей молодого человека» помочь комсомольцу успешно уничтожить того «ветхого Адама мещанства, чьи корни глубоко сидят в нашей психике». Он думал, что предисловия к каждому выпуску этой серии помогут молодому советскому читателю выработать социальную-экономическую и политическую корни вырождающегося мещанского индивидуализма. Вместо этого Виноградов, прикрываясь именем лучшего из пролетарских писателей, попытался и предисловия называть комсомольцу свои идеи «коммунистически окрашенного славянофильства».

«советском» обликом, обращается и «рабочей» тематике, на маскируется. Классовая борьба в литературе — это в числе прочего и борьба за творческую перестройку тех советских писателей, которые колеблются, которые еще не изжили старое. Нужно шире поставить взаимный обмен опытом различных родов в видах литературы. Романисты, публицисты, поэты, прозаики, публицисты, художники сатиры и юмора, драматурги и критики должны быть более тесно связанными.

«История молодого человека XIX столетия» — прекрасное начинание М. Горького. А. Виноградов написал целый том (320 страниц) «История молодого человека XIX века» европейской и русской общественной мысли XIX века. М. Горький хотел «Историей молодого человека» помочь комсомольцу успешно уничтожить того «ветхого Адама мещанства, чьи корни глубоко сидят в нашей психике». Он думал, что предисловия к каждому выпуску этой серии помогут молодому советскому читателю выработать социальную-экономическую и политическую корни вырождающегося мещанского индивидуализма. Вместо этого Виноградов, прикрываясь именем лучшего из пролетарских писателей, попытался и предисловия называть комсомольцу свои идеи «коммунистически окрашенного славянофильства».

«История молодого человека XIX столетия» — прекрасное начинание М. Горького. А. Виноградов написал целый том (320 страниц) «История молодого человека XIX века» европейской и русской общественной мысли XIX века. М. Горький хотел «Историей молодого человека» помочь комсомольцу успешно уничтожить того «ветхого Адама мещанства, чьи корни глубоко сидят в нашей психике». Он думал, что предисловия к каждому выпуску этой серии помогут молодому советскому читателю выработать социальную-экономическую и политическую корни вырождающегося мещанского индивидуализма. Вместо этого Виноградов, прикрываясь именем лучшего из пролетарских писателей, попытался и предисловия называть комсомольцу свои идеи «коммунистически окрашенного славянофильства».

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ОРГКОМИТЕТА ССП СССР 1. Созвать съезд союза советских писателей СССР 20 июня 1933 года в Москве. 2. Порядок дня съезда утвердить следующий: а) Вступительные слова при открытии съезда (А. М. ГОРЬКИЙ). б) Отчет оргкомитета союза советских писателей СССР (т. ГРОНСКИЙ). По докладу т. ГРОНСКОГО развернуть прения по существу задач литературы с выступлением ряда писателей по вопросам прозы и поэзии. в) О задачах советской драматургии (вступительное слово—т. Кирпотин, соподпалкини от отдельных течений драматургии — В. Киршом, А. Толстой, Н. Подогин). г) Устав союза советских писателей (т. Субоцкий). д) Выборы правления союза советских писателей СССР и ревизионной комиссии. 3. Делегаты на всесоюзный съезд советских писателей избираются на республиканских съездах в количестве одного от десяти членов союза советских писателей.

65-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ М. ГОРЬКОГО ПРИВЕТСТВИЕ ОРГКОМИТЕТА ССП СССР

Любимому писателю всех трудящихся мира, передовому борцу за новую прекрасную жизнь, своему почетному председателю шлет горячий привет Президиум оргкомитета и поздравляет с замечательным юбилеем, полным кипучей деятельности, героической борьбы лучшие пожелания здоровья, бодрости, новых сил для большой и важной работы. Президиум Оргкомитета.

А. ВИНОГРАДОВ обучает комсомол

ра. Чем объясняется подобная характеристика Сенкевича? Виноградов знакомит читателя со своим размышлением о великом славянском народе, о Мишкевиче, который изображен не поэтом дворянства, а певцом страдающей Польши, он утверждает, что Сенкевич выступил против буржуазного развития Польши. «Сенкевич,— пишет он,— конечно, прав, когда нападает на посетителя либеральных идей польской буржуазии, на эту кучу фабрикантов и заводчиков, председателей трестов и синдикатов, биржевиков Варшавы и Лодзи». Историк объявляет «право» мейнального писателя на независимое политическое суждение и убеждает нас, что в лице Сенкевича шляхта давала новый «свой» славянофильский «буржуазно-славянофильский» образ подражания рама и зеркалам историческим рамкам и зеркалам исторической Польши. Сенкевич реабилитируется как писатель, враждебный буржуазии, как певец дворянской Польши. На вершину революционной истории поднимаются следующие слова Сенкевича, которые затем превращаются в философию русской истории самого Виноградова: «В прошлом польской истории не все так уж плохо, как хотела изобразить буржуазия, считающая себя solely землей, открывением нового времени, начинателем новой эпохи». Сенкевич велик в глазах Виноградова как борец против тенденции денационализации Польши.

И та же идеология положена Виноградовым в основу его рассуждений об английской истории. Пролетаризированную массу английских крестьян и ткачей, ту массу, которая выналась в ряды чартистской армии, он характеризует как люмпен-пролетариат, «народ с очень неустойчивым мироощущением, не выходящим никакого классового лица». Он говорит о них, как о массе «скопотодобных существ», а своего «молодого человека» А. Виноградов характеризует как «носителя молчаливого и пассивного протеста, тихого, глухого, меланхолического недовольства жизнью, когда человек не хочет вмешиваться в победных человеческих существ» и объявляет историческим фактом, что лондонские ткачи, имевшие

полную возможность слышать и читать напечатанную речь Байрона за защиту дудлонов, были теми же, которые преследовали его камнями и свистом. Героев Дизраэли, детей революционных дворян, певцов антибуржуазной Англии, тех самых, которые, по мнению А. Виноградова, могли спасти Великобританию от революции, он ставит исторически выше, чем Вильяма Грэй, «оседлавшего жизнь и загнавшего ей шпоры в бока». Политическим хищником английского капитализма он противопоставляет юношу, сохранившего «свою мечтательную бездельность, свою душевную чистоту настоящей аристократии старинной Англии».

МОНОЛОГИ и РЕПЛИКИ

Идет занавес. Дом Герцена. Секция драматургов. Мебель модерн. Шкафы с классиками. За столом — драматурги и критики.

Ведущий. Какая тема беседы? Выбирайте сами. У нас беседа dell'arte. Хотите начнем с человека? Кто? Какого человека вы хотите давать в своих пьесах? Вишневы. Свежая темка...
Ведущий. У Погодина такой вид, словно он может что-то сказать.
Погодин. Я буду краток. (Бурное одобрение). Недавно я разговаривал с одним режиссером. Этот режиссер навел меня на грустные размышления. Ужасные люди появляются, опасные люди для искусства. Приходит человек ко мне и говорит, что вот я бы хотел, чтобы вы написали о любви, — меня давно, говорит, волнует такая тема. Я говорю: «Какая тема?» «Помните», — говорит, — все построено, выстроено, давно стоят уже электростанции и Магнитострой. И меня сейчас волнует тема, как люди любят на этих Магнитостроях. Меня эта тема мучает».

Олеша. Это делает сбор. Третьяков. Брехт говорит: докажи мне правду этого человека.
Погодин. Это не театральное. Третьяков. Брехт думает иначе. Он развивает свою драматургию, так называемый эпический театр. Он пытается опровергнуть Аристотеля. Он утверждает, что аристотелевский театр исчерпывает себя за время спектакля. Дальше можно брать свои галюши и уходить.
Брехт говорит, что его действие начинается как раз с момента окончания спектакля. Зритель он не удовлетворяет до конца, и в этом его задача. Зритель уходит встревоженный...
Юзовский. Неудовольствие зритель?

Третьяков. Нет. Думающий зритель.
Амаглобели. У Софокла он разве не думающий?!

Третьяков. Задача драматурга — вывести зрителя из состояния равновесия, чтобы он не ушел спокойным, но начал бы действовать.
Амаглобели. В «Гамлете» зритель не уходит спокойным.
Левидов. Третьяков сказал, что не годится разговаривать о своих будущих пьесах. Но я не боюсь — пусть даже «укрутят». В вашей практике этого не случалось.
Третьяков. Брехт говорит, что хорошие произведения всегда плагиатны.

Олеша. Крадут не цветки, а его аромат.
Левидов. Мне о любви писать не хочется. Мне не хочется идти от энциклопедического словаря. У нас режиссер многим заменяет энциклопедический словарь. Вот сказал что-то Диккий Россовскому, и тот обрвался.
Диккий. Мне не хочется делать — это драматургия вчерашнего дня. Хорошо сказал Третьяков, что у нас почти все пьесы вчерашнего дня.
Ведущий (возмущенно). Откуда вы это взяли?

Левидов (разгорячась). Что для нас в эту эпоху самое интересное, самое значимое и привлекательное, что «энтузиазмирует»? Это противоречие.
Об одном таком противоречии я хочу писать. Я хочу писать о человеке, но без всяких положений и «психологий».

Голос. Попадете же вы в положение!
Левидов. Не знаю. Я сейчас хочу из плохой пьесы сделать хорошую пьесу. Я взял плохую пьесу Бальзака. Очень плохую... (Смех)... И будет хорошая пьеса. (Продолжительный смех.)
Ведущий. Будет пьеса Левидова? Левидов. Нет, не Левидова, а Бальзака. Бальзака написал плохую пьесу, которая жестоко провалилась. Он пишет: «Меня охватили 50 фельетонистов. Я удивился — почему?» Но когда я прочел пьесу, я не удивился. Пьеса плохая. Но в этой плохой пьесе все-таки чувствуется Бальзака. Работа меня увлекает. Мне будет нетрудно сделать хорошую пьесу.

Голос. Будет ли доволен Бальзака, если воскреснет?
Левидов. Он будет доволен тем, что воскреснет.
Голос. Я задержался над моей стихотворной пьесой. Я заскучал над этой работой.
Голос. О, что будет со зрителем! Голос. Я приобрел навязчивую идею, может быть, в результате длительной работы над пьесой. Я не могу спокойно читать газеты, мне стыдно...
Голос. Это стыд не индивидуального порядка. (Торопясь). Дело в том, товарищи, что...
Базилевский. Говорите медленно, ибо вы говорите для эпохи. (Гул одобрения).

Амаглобели. Не для эпохи, а для газеты.
Голос. Каждый лист газеты приносит чорт знает какие новости! Например, разговор прохвоста Носки с прохвостом Герингом. Меня он потряс. Каждый день, раскрывая газету, вы найдете пять-десять двадцать таких фактов, которые сбивают вас с ног, и которые, как реалистическая концепция, гораздо ценнее, чем пьеса...
Голос. Так всегда было.
Голос. Неправда. Наше время насыщено противоречиями. Оно непохоже на то, что было всегда в нас чувство необычайного, нового. Ведь есть тысячи вещей, которые не дают спокойствия. Есть, например, много сплетен.
Юзовский (бережно). Больше о пьесе.

Ведущий (еще бережнее). Меньше о сплетнях.
Голос. Больше о пьесе? Я хочу взять одну из указанных тем: тему равенства и неравенства. Левидов выступал сегодня нигилистически. Я считаю, что его выражение «сплуну, как хочешь» — чистый нигилизм.
Левидов. А вы думаете, что я буду учить правила?
(Шум. Массовая спена.)

Голос. А вы думаете, что каждый человек не учит в школе правилам?
Вишневы. На днях я был на премьере «Оптимистической трагедии» в Киеве. Сочетание больших споров о стиле нашей литературы и спектакля, врезавшегося в эти споры, и прием спектакля аудиторией, дали мне ряд исключительно ценных ответов по вопросу о реалистической и романтической тенденциях...
Ведущий. Но в одном стиле социалистического реализма.
Вишневы. В «Оптимистической трагедии» я дал сплетение многих судеб и идей и затрудились сказать, на какую тему я писал. Трагедия написана тремя целыми актами со сквозным сюжетом. В центре — женщина, я брал образ Ларисы Рейснер, Евгении Бош, Островской...
О моем направлении. Я иду своим органическим путем. Начав, я получил напутствие Горького, который подчеркнул ценность приподнятой романтической формы «Первой кованной». Я развивал свои пробы, искал, срывался. Я сделал как всеми высказываемыми Горького об искусстве, принимал их и упорно ишу ответа: почему Горький говорит о недостаточности реализма для нашей эпохи? Я хотел бы услышать ответ.

Голос. Так-таки об всех? Афиногенов. Может быть, не об всех, но я отвлечусь от идеи неохотности изучения канонов и законов, я раньше считал, что необходимыми какие-то выверты в пьесе, чтобы сделать ее интересной. Я задумывался только над судьбой людей, с которыми я был по пьесе знаком. Их судьба меня интересовала; интересовало, как их жизнь складывалась, самый процесс их жизни. Пьеса в четыре акта.
Голос. А почему же обязательно 4 акта?
Афиногенов. Почему 4 акта? Конечно, могло быть и больше, и меньше. Следующая пьеса может быть из 25 эпизодов. В моей пьесе 10 действующих лиц. А в следующей их может быть, будет не 10, а 210. Самое проникновенное в жизни дает форму. Я не сижу, что 4 акта — хороший закон. Я считаю, что только те законы хороши, которые художники нарушают. Дело не в форме. Стихи Брюсова и Пушкина написаны в одной форме. И тот, и другой берут определенное количество ямбов, хореев и стоп. Но Брюсов сначала выкладывал ямбы, а потом пытался их охухотворить.
Левидов. А мы, Пушкины, работаем обратно.
Афиногенов. Я понимаю, что это штука. Шекспир, в реальность которого я глубоко верю вопреки всем теориям о Шекспире, задумывался не над причинами войны «Белой и Алой Розы», а над жизнью людей, которых он давал, и получал прекрасная тема того времени, которая живет и до наших дней.

Голос. Благодарю вас, да. Выгоды ясны. Желаю вам удачи на конкурсе.
Афиногенов. У меня пьеса написана, а следующую я пишу пока не собираюсь. Я написал пьесу, под Антона Павловича пишет Чехов (вскочил). Милостивый государь! Если... для на то пошла он от под ного: под Александра Николаевича!
Островский (хлопнув кулаком об стол). Что-с! Вы... вы... вы... что ж это! Александра Васильевича не заметили!
СУХОВО-КОБЫЛИН (размазывая бюстом Россовского над головой Островского). Убо... (Странный шум, брань, крики.) ШЕКСПИР (схватившись за голову). Ужасно, о, ужасно, о, ужасно!
Островский (рассудительно). Полноте, батенька. Каждого из нас прорабатывали. Не все коту масленница!
ГОЛОС. Даже популярнейшего пролетарского драматурга Островского — и в того сегодня вцепляйтесь!
ГОЛОС. Кто?
ГОЛОС. Левидов. (Бурный смех.) Островский (благодушно). Ему обидно, что он по-русски писать не может. Пишет сейчас по-французски, по-немецки, по-английски, по-американски. Под Дос-Пассоса — пишущий, под Пруста — пишущий, под Толлера — пишущий, под Шоу — пишущий. (Грозно.) На своем языке пишется писать, молодые люди!
ШЕКСПИР. Ужасно, о, ужасно, о, ужасно!
ГРИБОЕДОВ. Не скажите... Вот, Афиногенов, например (язвитель-

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

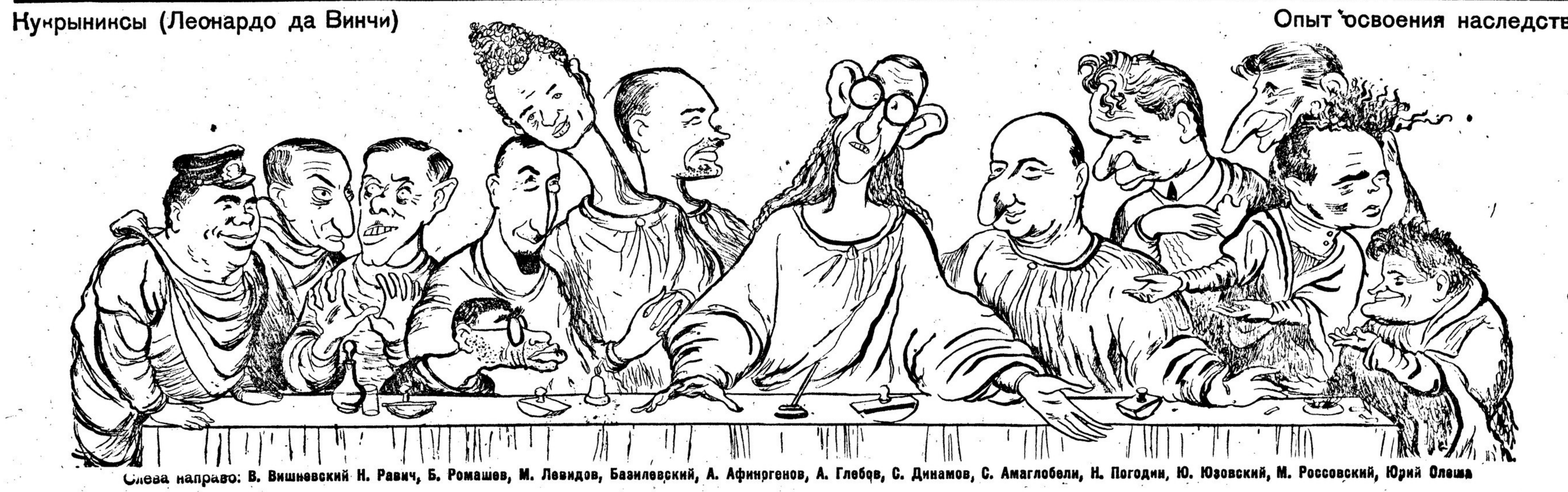
Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

Ведущий. Как вы понимаете прогноз в пьесе?
Третьяков. Я вижу его в уме инициативы. В этом пункте неизбежны споры. Но только по этому условию мы можем говорить о вещах значительных, а не о вещах комментирующих. Мы их много имеем, комментирующих вещей. Работа учит, что к выводам нельзя подходить быстро.
Олеша. Ага! В эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно.
Третьяков. В моей новой пьесе «Накорим шар земной» меня интересует вопрос смены оперативного направления. Меня интересует руководство. Я перевел также три вещи немецкого драматурга Брехта. Одну из них я сейчас дорабатываю для постановки в Реалистическом театре. Это — пародия на «Орлеанскую леву». Брехт доводит до минимума аргументацию эмоциональным планом. Он пытается аргументировать рассудочно. У него играют силлогизмы, тезисы.
Как часто у нас злоупотребляют эмоциональными моментами. Человеку дают симпатичный грим, аксессуар, люди к нему располагаются.

ЭПИЛОГ (ДРУЖЕСКИ)

(В книжном шкафу с неожиданным шумом распахиваются Большие и Малые энциклопедии, с грохотом складывает Шекспир, Островский, Чехов, Шиллер, Грибоедов, Сухово-Кобылин... усаживаются за стол.)
ЧЕХОВ (протирая пенсне, с приторным сочувствием — Шекспиру). И вас начали прорабатывать, учитель?
ШЕКСПИР (почтительно пьет чай из стакана Кириона, Улавшим голосом). «Ужасно, о, ужасно, о, ужасно»!
Островский (рассудительно). Полноте, батенька. Каждого из нас прорабатывали. Не все коту масленница!
ГОЛОС. Даже популярнейшего пролетарского драматурга Островского — и в того сегодня вцепляйтесь!
ГОЛОС. Кто?
ГОЛОС. Левидов. (Бурный смех.) Островский (благодушно). Ему обидно, что он по-русски писать не может. Пишет сейчас по-французски, по-немецки, по-английски, по-американски. Под Дос-Пассоса — пишущий, под Пруста — пишущий, под Толлера — пишущий, под Шоу — пишущий. (Грозно.) На своем языке пишется писать, молодые люди!
ШЕКСПИР. Ужасно, о, ужасно, о, ужасно!
ГРИБОЕДОВ. Не скажите... Вот, Афиногенов, например (язвитель-

Слева направо: В. Вишневы, Н. Равич, Б. Ромашов, М. Левидов, Базилевский, А. Афиногенов, А. Глобоз, С. Динамов, С. Амаглобели, Н. Погодин, Ю. Юзовский, М. Россовский, Юрий Олеша

УГОЛОК ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Чаша веселья

И жить торопяты, и
целоваться спешат.
СТИШОК

Для того, чтобы постройте себе юбилей, достаточно сильно этого пожелать. Хорошо есть иметь произведения, романы, описи. Но можно без них. Не это главное. Главное — крепко захотеть.
Эти так естественно. Проходят годы, выходят книги. Хочется, как бы сказать, оглянуться на пройденный путь, обрести себя читателем, поплакать немного над молодостью, какой прошла в неизмеримых трудах. И вся жизнь прошла, отдала без остатка, и хочется узнать, в хорошие ли руки она попала. Вот оправдание юбилея. Здесь все естественно, понятно, справедливо.

А если всего этого не было (трудно и сидеть), тогда достаточно только сильно захотеть. И юбилей будет, образуется. Люди в общем не верят, не обидят. И телеграммы придут, как надо (широко, и заметят все, что вам нужно).

Таково стало от юбилея. Мамость переживает. Переполинил чашу веселья. Вовлекли в юбилейную работу слишком широкие массы писателей. И теперь разволнованного себя писателя трудно водворить в обычные рамки.
Соответствующие учреждения переполнены неукротимыми конскалетями юбилярами.
— Здравствуйте. Я писатель.
— Ага.
— Вот все пишу, знаете.
— А-а!
— Создал разные художественные произведения.
— Да?
— Вот, вот. Увидели, знаете, что-нибудь значительное, ну и, конечно, отобразили. Не удержались.
— Ага!
— И так, знаете, привык, что уже не могу. Все время создаю, вот уже сколько лет.
— А-а!
— А время летит. Двадцать лет творчества, не шутка. Все-таки, да-та.

— Да.
— Хотелось бы, знаете, получить какой-нибудь толчок, стимул, а то, знаете, вдохновения уже нет в достаточном количестве.
— Да?
— Так-то дела.
— Да-а-а!
— Ну, побегу в сектор искусств, отдула в Наркомпрос, а отдула в Литературную энциклопедию. Моя буква приближается. До свидания.
— До свидания. Федор Иванович, зачем он приходил? Что-то он тут болтал, а я ничего не понял.
— Юбилей пришел просить.
— А-а! То-то, я смотрю, ему на месте не сиделось. Есть еще что-нибудь? Пустите.
— Здравствуйте. Ничего, что я к вам?

— Пожалуйста. Вы писатель?
— Да. Вот все пишу, знаете.
— Создали разные художественные произведения?
— Так точно.
— Отображаете?
— Обязательно. Увижу — отображу. Увижу, знаете, и тут же отображу.
— А время летит?
— Летит. Летит стрелой.
— Двадцать лет занимаетесь творчеством?

Ц. Фридлянд

А. Виноградов обучает комсомол

НАЧАЛО НА 1 СТРАНИЦЕ

И мы не будем удивляться, что в предисловии к «История молодого человека», посвященной Франции, «историком» проводится та же двойная-националистическая тенденция. Ведь недаром в рассуждениях о классовой борьбе в эпоху Революции А. Виноградов пишет, что буржуазия и дворянство во Франции разделяла новая «словесная распря», а в дальнейшем, в очерке о романе Поля Бурже «Ученик», он утверждает, что Парижская коммуна вынуждена была разбить аппарат государственной власти французской буржуазии, даже республиканской буржуазии, являющейся последним монархическим прошлым. Это, и только это, лежит в основе формулировки Маркса и Ленина о ломке государственного аппарата, — поучает комсомольскую молодежь «историк» Виноградов. То же комсомольца он в предисловии к «Исповеди сына века» Мюссе снова и снова убеждает, что личный человек из рядов мелкой буржуазии, ненавидящий капитализм, и разочарованный дворянин, чьи «гербы блещут перед золотом банкиров и мануфактурщиков», одно и то же — их объединяет ненависть к ажиотажу и бирже.

Этот и заставляет его при оценке Стендаля и Балзак отдавать предпочтение первому. Несмотря на совершенно ясную оценку Балзак Ф. Энгельсом Виноградов превращает его в писателя, смотрящего во впадину, а назад, а зато у Стендаля он говорит как о коммунисте и революционере, как об ученике Бабафа. Остается верным себе, он антикапиталистическими настроениями Стендаля выдает за коммунистические настроения. Пророческие заявления Стендаля, защитника романтики, против индустриализма он готов отождествить с марксовым прогнозом социальной революции. Когда Стендаль пишет: «Если вы на завтрашний день попытаетесь повторить вчерашнее, то получите карикатуры», Виноградов с пафосом заявляет: «Но ведь то самое заявлял Маркс, утверждая, что в первый раз события в исто-

рии являются трагедией, а вторично они — фарс». Если Стендаль говорил о маних почитателей суверенности и разврата, то Виноградов поучает советскую молодежь, что эти слова звучат таким же звоном в будущее, как слова Маркса: «Социальная революция XIX века может почерпнуть для себя познание из прошлого, а только из будущего».

По всем видностям, его имел в виду в своем четверостишии русский писатель:

«Видя в том свое удобство,
Генерала вскрыл он спесь,
Демократства и холоства
Удивительная смесь».

А Виноградов распоясывается, как и следует потомку славянофилов, когда переходит к «лишнему человеку» в русской литературе. В 24-м выпуске серии в предисловии к книге «Победа и лишение человека» славянофильски галantly достигает геркулесовых столбов. Советский читатель, молодой читатель, узнает, что Иван Грозный был «странным политическим деятелем, так и неразгаданным до наших дней, что он жил фантазией римской империи и не допускал английского лордства на русской почве, что он глубоко ненавидел феодальную Россию и ее нищету. Мы узнаем, что митрополит Филарет был «самым развитым европейцем из всех азиатцев допетровской Руси». Повторяя Сенкевича, принимает его лозунг как свой. А Виноградов заявляет: «Тяжелые страдания русских крестьян и русских рабочих не дают права кому бы то ни было зачеркивать историю». Старинная русская литература, еще до сих пор не написанная, с надлежащей ясностью и полнотой показывает, что русская стихия является родной стихией бедноты, населенной Востоку Европу». И эти слова являются в скрытой форме полемикой с Печериным, тем Печериным, который в свое время заявил:

«Как сладостно отчину ненавиждь
И жалко жадить ее уничтоженья
И в разрушении отчину видеть
Всемирную денницу обновленья».

Молодому читателю следовало бы по крайней мере «для справки» напомнить статью Ленина «О национальной гордости великороссов». Но Виноградов выступает апологетом дворянской культуры, носителем идеологии доктринализма, подлинный славянофильский и подлинный коммунистический союзом — ему лишь вспоминать об этой статье.

А Виноградов верен самому себе. Виноградов не имеет права претендовать на признание лобословностями его исторических писаний. Учить может тот, кто в изображении прошлого проявляет необходимую добросовестность. Мы говорим здесь уже не о философии истории, а о фактах. Виноградов фальсифицирует факты, проявляет небрежность элементарной безграмотность как историк.

Когда он как романтик в книге «Три цвета времени» на стр. 344 рассказывает нам, что Хавковский заплатил извозчику серебряный ценовой с изображением императора Константина, хотя известно, что таких рублей было всего пять штук, из которых три посланы были Константину в Варшаву и были им расплавлены, то возможно, что ему как романтику разрешается фантазировать; когда он в том же романе путает год высадки Наполеона с острова Эльбы и местом 1 марта 1813 года называет 1815 год, то в этом возможна вина извозчика; когда он в том же романе на стр. 163 объявляет внешнему миру, что в Венеции не было королевы не Евгения Богарина, сына Жозефина, а Евгения Савойского, полководца, жившего за сто лет перед этим, то и в этом случае мы допускаем художественный вымысел. Но когда латинские слова felix et faustus он переводит как имена собственные, то мы не можем не протестовать.

Но «Три цвета времени» — роман, а в предисловиях к «История молодого человека» А. Виноградов выступает как историк, и вот историк разрешает себе объявить Барбеса в 1848 году «другом и соратником Бланки», того самого Барбеса, который в этой революции объявлял Бланки провокатором и за-

Творческий вечер П. Васильева в „Новом мире“

3 апреля состоялся в «Новом мире» творческий вечер П. Васильева. Талант Васильева уже довольно продолжительное время привлекает к нему обостренное внимание литературных кругов. Но почва, из которой Васильев черпал свое творчество, был кулацкий семиреченский казачество, придала его творчеству настоящие реакционные окраску, что дальнейший путь этого одаренного поэта вступил очень серьезные опасения. Критика, которой по этой линии подверглось творчество Васильева, не прошла для него бесследно. Запутанная им на вечер первая часть новой поэмы «Солонь бунт» доказывает, что Павел Васильев начинает овладевать материалом, который до сих пор всецело владел им, начинает с нескольких точек зрения смотреть на социальную обстановку, национальный переплет и быт Семиречья, показывая роль казачества как сторожевых собак торгового капитала и базы колонизаторской политики царского правительства.

В заключение стихов «Солонь бунт» из стихотворения «Враги народа» направленного против рабочих организаций, в которых автор, в которых принял участие ряд поэтов и критиков (Б. Пастернак, В. Инбер, С. Клычков, И. Гронский, К. Зелинский, Усиевич, Коробельников, Макарьев и др.). К. Зелинский, отмечая творческий рост Васильева, указал на опасность, которую продолжают еще стоять перед поэтом, вследствие своей старости его творчества от быта старой деревни и оставшихся элементов некоторого любувания ею. Е. Усиевич указала на некоторые сдвиги, проявившиеся в «Солонь бунте», а также подчеркнул, что стихотворение «Враги народа» является переломным шагом Васильева по пути перестройки, что им он наконец убрал сходящий, соединявшие его до сих пор с кулацкой контрреволюционной поэзией.

В. Пастернак, говоря об огромном таланте Васильева, выразил уверенность, что крупный поэт не может не пойти в ногу с эпохой. И. Гронский заявил, что поэт должен воспевать борьбу и дела своего народа. Поэтому группа так называемых «крестьянских поэтов» без всякого основания присваивает себе это название. Крестьянство под руководством пролетариата строит социализм. Группа Клычева, Клычкова и примыкавшие к ним П. Васильева лила воду на мельницу реакции. «Солонь бунт» представляет собой документ некоторой перестройки, но еще решительно выбрать с кем он. Его последние стихи создают уверенность, что он выкарабкается.

С. Клычков, не упоминая о творчестве Васильева, безуспешно пытался «спровергнуть» обективный анализ своего творчества рядом критиков против марксистской выкладки. Остальным ораторам пришлось отметить отход Васильева от группы Клычева-Клычкова, остававшийся на реакционной роли этих последних. «Звезды» серьезно то положение, в котором вы оказались, — сказал Т. Макарьев. — Сила на нашей стороне, но мы говорим с вами серьезно, а вы все не хотите говорить серьезно. Что ж, Васильев от вас ушел, а вы оставались».

В своем заключительном слове П. Васильев заявил, что не следует преувеличивать влияния Клычкова на его поэзию, которая по всей своей структуре отличается от творчества Клычкова. То, что Клычков возлагал на меня надежды, — заявил он, — объясняется не его влиянием на меня, а всем тем реакционным, что было в моем собственном творчестве. Но я клычковских надежд не оправдал. В Германии фашисты истязают и убивают коммунистов и рабочих. Внутри нашей страны классовая борьба приняла обостренный характер. Не выступать в такой момент за революцию — значит идти против нее. Тогда надо идти в подвал к Клычеву, к его лампадам и обрабатывать там вместе с ним мох. Я в подвал к Клычеву пошел, я побойду с революцией. Я знаю, что словам тут никто не поверит и нельзя верить. Я постараюсь доказать, что я революционер — всеми своими произведениями.

Этого мы и ждем от Васильева.

Письма из Ленинграда

„ПАДЕНИЕ КИМАС-ОЗЕРА“

Повесть «Падение Кимас-озера» Г. Фица получила положительные отзывы критики и литературной общественности. Эта повесть посвящена одному из замечательных эпизодов гражданской войны в Карелии, участку гражданской войны, совершенно незаслуженно обойденной нашей художественной литературой. Повесть рассказывает о знаменитом лыжном рейде. Отряд курсантов интернациональной лыжной школы прошел на лыжах свыше 1000 километров по территории, занятой финскими белоэскадронами. Неожиданными нападками он сокрушил «лахтарей» и разгромил их штаб. «Попод операцией Оуна, — оценивая эту операцию Хейконен, комиссар карельского территориального округа, — имел большое значение в ликвидации карельской авантюры. Действие лыжного отряда в тылу у белых окончательно слугали планы белых, вызвали среди них распад, оставив белых без боевых припасов и лишив их высшего командования, что сделало для них невозможным продолжение войны».

Острая нехватка самого материала, большой теплоты, с которой Г. Фиц рассказывает о волнующих, мобилизующих читателя событиях, обуславливают захватывающий интерес читателей. И на этой оценке сходятся и критики (выступившие уже на страницах «Ленинградской правды» и «Веч. красной газеты»), и писатели (на литдекаднике оргкомитета ЛенСССР), и читатели (печерки нами — письмо красноармейцев-пограничников, читавших повесть еще в журнале «Звезда»). По литдекаднике редактор повести заявил, что, увеличившись книгой, он не заметил ядра стихийных и языковых срывов, имеющих в повести место.

Нанболое критически разоблачил книгу Г. Фиц. Т. Н. Свириной, заключивший прения на литдекаднике. Правда, он выступал не только как литературный критик, но и как непосредственный участник карельской кампании, как б. командир кавалерийского взвода одной из красноармейских частей. Соглашаясь с высокой оценкой книги, данной на собрании и в печати, он все же не согласен с «пошлыми похвалами». Г. Фиц, пользуясь, главным образом, в общем правдиво нарисован события, восстановив целый ряд характерных фактов и деталей, хотя в ряде мест повесть обнаруживает недостаточное знакомство с обстановкой событий.

— Но все эти недочеты, — подчеркнул Т. Свириной, — отнюдь не умаляют значения интересной и нужной книги, тем более, что эти недочеты признаны автором и могли бы быть исправлены в следующем издании.

Кстати, о следующем издании. Тираж «Падения Кимас-озера» 5.000 экземпляров.

В Карелию, — сообщила нам представительница оргкомитета писателей Карелии, — не поступило ни одного экземпляра «Падения Кимас-озера».

— В красноармейских библиотеках, — заявили на литдекаднике литкружковцы-курсанты военных школ, — «Кимас-озера» не найти. Случайные, поступающие стороны, экземпляры зачитываются до дыр. — Ленинградские библиотеки, — указывают в библиотечном коллективе, — не получили ни одной книги Г. Фица.

Казалось бы, что издательства должны были проявить достаточно гибкость и переиздать книгу, тиражируя к тому же достаточно скромных бумажных фондов. В повести всего лишь 6 печатных листов.

Свобода свободная или Н. Горького

Проводимая по СССР кампания за создание агитсамота-гиганта «Максим Горький» всколыхнула широкие слои рабочих и колхозников. На сегодняшний день по Союзу уже собрано около трех миллионов рублей.

Коллегия Аэрофлота, не ожидая выхода из производства самолета-гиганта «Максим Горький», поставила сформировать особую сводную авиационно-воздухооплавательную агитсамота-гиганта им. М. Горького. В состав агитсамота входят летчики-испытатели агитсамота конструкции: АНТ-14, АНТ-9, Сталь-2 и другие и дирижабль В-3. Командиром агитсамота назначены летчик-наблюдатель М. Е. Кольцов, начальник штаба И. А. Фельдман. Эскадрилья является орудием массовой культурно-политической и технико-пропагандистской работы.

На борту самолетов будут находиться агитаторы-пропагандисты, работники гражданского воздушного флота, писатели, журналисты, работники кино и радио, артисты и др. для проведения работ, связанных с заданием агитсамота, которые начнутся в конце апреля.

Коллегия Аэрофлота, отмечая огромную роль центральной комиссии в области строительства гражданского воздушного флота, постановила присвоить самолетам и дирижаблям эскадрильи им. Горького следующие наименования: АНТ-14 — имя «Правды», самолету Сталь-2 — имя «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», АНТ-9 — имя «Огонек» и дирижабль В-3 — имя «Красной звезды».

Ответственный редактор
С. ДИНАМОВ

ИЗДАТЕЛЬ: Журн. льно-газетное объединение

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверская б. 25, Дом Герцена, 3 этаж. Тел. 1-30-63

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

поступили в продажу
НОВЫЕ КНИГИ:

- Демьян Ведный — Восток (иллюстр. издание). Поэмы. Ц. 3 р.
- Амур-Санян — Мудренный сын. Повесть. Ц. 5 руб. Ив. Новиков — Живое кольцо. Рассказы. Ц. 2 р. 50 к. Н. Незабойн — Чертов камень. Роман. Ц. 4 р. И. Никитин — Безорный посорог. Рассказы. Ц. 4 р. И. Малеев — Горюхале. Рассказы. Ц. 3 р. А. Неворов — Изабонна (2 тома). Ц. 10 р. Артем Веселый — Гуляй, Волга (илл. издание). Повесть. Ц. 6 р. Бела Илеш — Золотая гора. Рассказы. Ц. 4 р. В. Наседкин — Стихи. Ц. 2 р. И. Складар — На разезде. Повесть. Ц. 3 р. А. Жаров — Москва, Помы (иллюстр. издание). Ц. 4 р. А. Логвин — Белая ромашка. Повесть. Ц. 4 р. Д. Семеновский — Путь. Стихи. Ц. 3 р. П. Березов — Писатели и оборона. Ц. 4 р. Л. Колос — Джанги-Дальневосточника. Ц. 4 р. В. Куликов — Варты. Роман. Ц. 4 р. 50 к. А. Новиков — Прибой — Женщина в море. Повесть. Ц. 4 р. С. Малашикин — Поход колони. Повесть. Ц. 5 р. А. Тарасов-Роднов — Июль. Ц. 5 р. А. Войнова — Восток и Запад. Ц. 8 р.

Все заказы выполняются наложенным платежом в книжном магазине Московского Т-ва Писателей: Москва, 8, Тверская, 12.

С АПРЕЛЯ 1933 ГОДА АВТОДОР

приступил к реализации

ВСЕСОЮЗНОЙ АВТО-МОТО ВЕЛО-ЛОТЕРЕИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАБОТНИКИ, РАБОТНИКИ И РАБОТНИКИ ПЕЧАТИ!

Приобретайте и распорашивайте билеты 4-й автодотореи, сделав от от которой путь на автомобильном, тракторном и дорожном строительстве СССР, на улучшение обороноспособности нашей страны.

ГЛАВНЫЕ ВЫИШИ: 120 автомобилей, 160 мотоциклов, 2000 велосипедов и др.

Всего 90.680 выигрышей на сумму 3.120.000 рублей.

ЦЕНА БИЛЕТА 1 РУБЛЬ.

Вступайте в Автодор! Укр ельайте работу гражданского звания общества — коллектива!

Ни одного трудящегося без билета 4-й автодотореи!

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ПЕРВАЯ КНИГА

№ 1 нового еженесячного литерат. журнала № 1 ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК

СОДЕРЖАНИЕ:

Александр Толстой — Утро бойнина Буйносова. А. Прокофьев — Стихи. Л. Савин — Нефть (роман). Б. Коринлов — Стихи. Ренданий Гор — Живое кольцо (роман). А. Гитович — Стихи. Л. Игитович — Нежная свобода (роман). В. Заволоцкий — Стихи. Леонид Гриварь — Большой покер. М. Комиссарова — Стихи.

КРИТИКА: М. Витгенсон — К вопросу о социалистическом реализме. Н. Свириной — Теоретическая легенда. Н. Коварский — На плакате. ЛИТЕРАТУРНЫЕ АРХИВ. Письма А. М. Горького А. М. Ремизову. ИСКУСТВО.

М. Глейман — Пять звуковых фильмов. ВИЛЬЮГТАФИЛИ. ЛИТЕРАТУРНО-ХРОНИКА. (1 по СССР, 2 за РУБЕЖОМ). Следующий № 2-3 ЛИТЕРАТУРНОГО СОВРЕМЕННОКА посвящен Карлу Марксу.